

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И.Тихомоловой

город Санкт-Петербург

15 октября 2018 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки А.И.Тихомоловой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницей законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявительница по настоящему делу гражданка А.И.Тихомолова оспаривает конституционность части первой статьи 10 «Обратная сила уголовного закона» УК Российской Федерации, части второй статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела», части второй статьи 27 «Основания прекращения уголовного преследования», части первой статьи 239 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования» и пункта 1 статьи 254 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании» УПК Российской Федерации.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, в связи с вступлением в силу Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», которым, в частности, статья 116 «Побои» УК Российской Федерации была изложена в новой редакции, декриминализующей деяние, в совершении которого обвинялась А.И.Тихомолова, мировой судья, возбудивший в отношении нее 7 сентября 2015 года уголовное дело частного обвинения, поставил в состоявшемся 26 августа 2016 года судебном заседании вопрос о его прекращении по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации (за отсутствием в деянии состава преступления). Несмотря на возражения

обвиняемой, которая просила рассмотреть уголовное дело по существу и вынести в отношении нее оправдательный приговор, мировой судья постановлением от 26 августа 2016 года дело прекратил, указав, что к этому моменту преступность и наказуемость инкриминируемого ей деяния устранены новым уголовным законом.

Останкинский районный суд города Москвы, рассмотрев апелляционную жалобу А.И.Тихомоловой, оставил постановление мирового судьи без изменения, а жалобу заявительницы без удовлетворения (апелляционное постановление от 8 декабря 2016 года). Не согласившись с указанными судебными решениями, А.И.Тихомолова обратилась в Московский городской суд, настаивая на том, что производство по ее уголовному делу должно быть прекращено в связи с отсутствием события преступления, однако постановлением от 30 марта 2017 года в передаче ее кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции было отказано. Судья Верховного Суда Российской Федерации, отказывая постановлением от 11 июля 2017 года, с которым согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, в передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции кассационной жалобы А.И.Тихомоловой, в которой утверждалось, что прекращение производства по ее делу по такому основанию, как отсутствие состава преступления, незаконно, поскольку отсутствует само событие преступления, отметил, что ее доводы могут быть проверены в порядке административного судопроизводства.

По мнению гражданки А.И.Тихомоловой, оспариваемые ею законоположения противоречат статьям 15, 17, 18, 19, 21, 23, 45, 46, 49, 52, 55, 118 и 123 Конституции Российской Федерации, поскольку позволяют прекращать уголовное дело в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, при категорическом возражении обвиняемого, чем создают условия, не позволяющие ему обжаловать в суде сам факт незаконного привлечения к уголовной ответственности, законность

и обоснованность выдвигавшегося обвинения, возражать против прекращения дела по данному основанию и тем самым препятствующие восстановлению нарушенных прав.

Соответственно, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» часть первая статьи 10 УК Российской Федерации, часть вторая статьи 24, часть вторая статьи 27, часть первая статьи 239 и пункт 1 статьи 254 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании содержащихся в них положений в их взаимосвязи решается вопрос о прекращении возбужденного судом по заявлению потерпевшего или его законного представителя уголовного дела частного обвинения в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, вопреки возражениям обвиняемого, настаивающего на вынесении решения по существу уголовного дела.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому судебную защиту его прав и свобод на основе принципов равенства перед законом и судом, а также состязательности и равноправия сторон (статья 19, часть 1; статья 45; статья 46, часть 1; статья 123, часть 3), относит уголовное и уголовно-процессуальное законодательство к ведению Российской Федерации (статья 71, пункт «о») и наделяет федерального законодателя правом как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять основания, порядок и условия, при которых возможен отказ от применения мер государственного принуждения, с учетом конституционной обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого (статьи 2 и 18; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 55, часть 3).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, правосудие в Российской Федерации, которое согласно статье

118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации осуществляется только судом, в частности посредством уголовного судопроизводства, по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах; исходя из этого государство обязано гарантировать защиту прав как собственно участников уголовного процесса, так и всех тех, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при производстве по уголовному делу, в том числе обеспечивать им надлежащие возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства любыми не запрещенными законом способами; в свою очередь, суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 2 июля 2013 года № 16-П и др.).

3. В порядке конкретизации положений статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации часть первая статьи 10 УК Российской Федерации закрепляет, что уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Вместе с тем – исходя из того, что, по общему правилу, преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время его совершения, каковым признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (статья 9 УК Российской Федерации), – решением о прекращении уголовного дела в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость соответствующего деяния были

устранены новым уголовным законом, констатируются, с одной стороны, наличие самого деяния, содержавшего признаки преступления, а с другой – отсутствие в нем преступности и наказуемости по смыслу нового уголовного закона. В таком случае применение нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, не связано с оценкой правомерности имевшего место уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (пункт 55 статьи 5 УПК Российской Федерации), и не предопределяет ее, а прекращение уголовного преследования – хотя и со ссылкой на пункт 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации (отсутствие в деянии состава преступления) – не порождает у подозреваемого или обвиняемого права на реабилитацию и не свидетельствует ни о законности и обоснованности выдвинутых обвинений, ни о восстановлении его чести и доброго имени.

3.1. Необходимость получения согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему его основанию обуславливается требованием соблюдения гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав участников уголовного судопроизводства, которое в силу ее статьи 123 (часть 3) осуществляется на основе принципа состязательности, предполагающего, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности. Следовательно, если подозреваемый, обвиняемый не возражает против прекращения уголовного преследования, нет оснований считать его права и законные интересы нарушенными решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности).

Развивая приведенную правовую позицию, изложенную в Постановлении от 14 июля 2011 года № 16-П, применительно к возможности прекращения уголовного дела публичного обвинения в связи с отсутствием в имевшем место деянии состава преступления, если преступность и

наказуемость соответствующего деяния были устранены новым уголовным законом до вступления приговора в законную силу (пункт 2 части первой и часть вторая статьи 24 УПК Российской Федерации), в случае, когда подозреваемый, обвиняемый возражает против этого, Конституционный Суд Российской Федерации указал: решением о прекращении уголовного преследования обеспечивается реализация вытекающего из статей 19 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации требования равных оснований для распространения нового уголовного закона на лиц, которые согласно статье 49 Конституции Российской Федерации и статье 14 УПК Российской Федерации применительно к вопросу об уголовной ответственности считаются невиновными, независимо от того, до или после его принятия было совершено деяние; такое решение констатирует отсутствие преступности и наказуемости деяния по смыслу нового уголовного закона и, соответственно, не влечет для лица каких-либо уголовно-правовых последствий; напротив, оно направлено на защиту прав этого лица и само по себе не может рассматриваться как причинение ему вреда, учитывая, что вопрос об уголовной ответственности за деяние, утратившее качество преступности, исключается в принципе и уголовное преследование в отношении подозреваемого, обвиняемого подлежит прекращению (Постановление от 19 ноября 2013 года № 24-П).

Однако, не будучи непосредственным выражением конституционных принципов гуманизма, справедливости, законности и презумпции невиновности, прекращение уголовного преследования по такому основанию, как устранение новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого лицу деяния, предполагает необходимость обеспечить этому лицу доступ к правосудию для защиты его прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства. Данный вывод подтверждается неоднократно выраженными Конституционным Судом Российской Федерации правовыми позициями, в соответствии с которыми виновность обвиняемого в совершении преступления в силу статьи 49 (часть

1) Конституции Российской Федерации устанавливается только вступившим в законную силу приговором суда, постановленным на основе исследования доказательств в предусмотренном федеральным законом порядке; постановление о прекращении уголовного дела – тем более если оно вынесено в связи с отсутствием в деянии состава преступления – по своему содержанию и правовым последствиям не может рассматриваться в качестве акта, которым устанавливается виновность в смысле названной конституционной нормы; если новым уголовным законом устраняются преступность и наказуемость какого-либо деяния, то в постановлении о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления констатируется невозможность дальнейшего осуществления уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого, хотя ранее выдвигавшиеся против него обвинения и не признаются необоснованными; выявление в ходе судебного разбирательства оснований для прекращения уголовного дела не освобождает суд от необходимости выяснения позиций сторон по данному делу и исследования представленных ими доводов; положения статей 24, 27, 47, 133, 239 и 254 УПК Российской Федерации не препятствуют суду рассмотреть находящееся в его производстве уголовное дело, если до вынесения приговора новым уголовным законом устраняются преступность и наказуемость инкриминируемого обвиняемому деяния, и решить вопрос о признании (или об отказе в признании) за ним права на реабилитацию и не лишают обвиняемого права на доступ к правосудию и права на эффективную судебную защиту (постановления от 28 октября 1996 года № 18-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 8 декабря 2003 года № 18-П; определения от 5 ноября 2004 года № 359-О, № 360-О, № 361-О и № 362-О).

Такой подход согласуется с обязанностью государства охранять достоинство личности (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации), которое, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения (постановления от 3

мая 1995 года № 4-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 20 декабря 2010 года № 21-П и от 14 июля 2011 года № 16-П). В противном случае нарушались бы не только предписания статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 53 Конституции Российской Федерации, закрепляющие право каждого на защиту достоинства личности, чести и доброго имени от незаконного и необоснованного уголовного преследования, на обеспечение государством доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба, но и провозглашенный ее статьей 19 принцип равенства всех перед законом и судом.

3.2. Особенности уголовного судопроизводства по делам частного обвинения предопределяются спецификой рассматриваемых в данном порядке уголовных дел, которые, как следует из части второй статьи 20 УПК Российской Федерации, по общему правилу, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Заявление в отношении конкретного лица, которое подается потерпевшим или его законным представителем в суд (за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 части первой и частью четвертой статьи 147 УПК Российской Федерации), не только признается поводом к возбуждению уголовного дела, но и рассматривается, по сути, в качестве обвинительного акта, в рамках которого осуществляется уголовное преследование.

Устанавливая такие правила, федеральный законодатель наделил потерпевшего правом самостоятельно осуществлять уголовное преследование – обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частно-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П и от 17 октября 2011 года № 22-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2013 года № 1336-О и от 23 октября 2014 года № 2534-О).

Вместе с тем согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, предусмотренном данным Кодексом (часть вторая статьи 8, пункт 1 части первой статьи 29), и только суд может установить обоснованность обвинения и принять решение о виновности подсудимого посредством обвинительного приговора (пункт 28 статьи 5). Только в этом случае, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 17 октября 2011 года № 22-П, предъявленное, в том числе частным обвинителем, обвинение трансформируется в государственное осуждение, на основе которого может назначаться мера государственного принуждения или применяться освобождение от нее.

При этом продолжение рассмотрения уголовного дела частного обвинения судом при наличии со стороны обвиняемого возражений против его прекращения в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, не может рассматриваться как недопустимое по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в Постановлении от 19 ноября 2013 года № 24-П, продолжение уголовного преследования за деяние, преступность и наказуемость которого уже устранены: вопросы о наличии события преступления, о совершении деяния, хотя и утратившего уголовную противоправность, конкретным лицом, о правовой оценке деяния (события преступления) разрешаются судом на основе представленных частным обвинителем материалов и приводимых подсудимым доводов, опровергающих доказательства стороны обвинения и подтверждающих его непричастность к преступлению (невиновность), с тем чтобы вынести правосудное, законное и обоснованное решение, опирающееся на личное и непосредственное исследование представленных доказательств.

Таким образом, приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющие свою силу и применимые к делам частного обвинения с учетом их особенностей, предполагают обязанность суда, в производстве которого находится возбужденное им по заявлению потерпевшего или его законного представителя уголовное дело, в случае устранения новым законом преступности и наказуемости деяния, инкриминируемого обвиняемому, при его возражениях против прекращения уголовного дела по такому основанию выяснить его позицию по данному делу и в процедуре рассмотрения дел частного обвинения установить обоснованность или необоснованность обвинения. Иное свидетельствовало бы об отказе обвиняемому по делу частного обвинения в правосудии, о вынесении судом решения, констатирующего наличие события преступления, совершение деяния, хотя и утратившего уголовную противоправность, конкретным лицом, о правовой оценке деяния (события преступления) без исследования судом обстоятельств произошедшего и имеющихся доказательств, приводило бы к нарушению принципа равенства перед законом и судом, равноправия сторон судопроизводства, к ограничению прав участников уголовного процесса, в том числе права опровергать обвинение, приводить доказательства своей непричастности к преступлению (невиновности) и возражать против прекращения дела по основанию, констатирующему совершение именно этим лицом деяния, хотя и декриминализованного новым уголовным законом, но являвшегося преступным на момент его совершения.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации

не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что суд, в производстве которого находится возбужденное по заявлению потерпевшего или его законного представителя уголовное дело частного обвинения, обязан выяснить позицию обвиняемого относительно прекращения данного дела в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, и только при наличии его согласия вправе прекратить уголовное дело; в случае, если обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, суд обязан рассмотреть данное дело по существу в рамках процедуры производства по делам частного обвинения и, исследовав имеющиеся доказательства, либо постановить оправдательный приговор, либо прекратить уголовное дело по указанному основанию.

2. Конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданки Тихомоловой Анны Ильиничны, принятые на основании части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует

непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 36-П